

*Может ли быть у жизни
счастливый конец?
(старая шутка)*

Посвящается Вере Рогожниковой

Почти каждую ночь Шура летал во сне. В детстве высоко и легко, годам к тридцати ниже и с усилием. Однажды, лет в шесть, парил во сне над крышами домов, держа в руке птичье перышко. Утром вышел из дому, отыскал куриное перо за сараями, созвал ребят со двора, сказал, что умеет летать и сейчас всех научит. Поднял перо над головой, подождал ветра, встал на цыпочки, но не полетел.

Подпрыгивал, влезал на лавку, тянулся как мог — тело помнило чувство полета, испытанного во сне, а оторваться от земли не умело. Надолго запомнил недоумение и царапающую горло обиду.

Повзрослев, стал сочинять во сне стихи такой красоты, что просыпался с отчетливым чувством счастья. Иногда удавалось запомнить несколько строк, но наяву они превращались в полубесмысленный набор звуков:

Где свиреп маро кадецки
Валитряды шесть жираф

Однажды приснилось вот что:

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.
Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь,
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь...

Лежал, не открывая глаз, прислушиваясь, как счастье накатывает волной и отступает, и снова накатывает. Радио играло «Лунную сонату», звуки были как волны из сна. Открыл глаза и понял, что стихи написаны много лет назад и не им. Музыка наваяло — усмехнулся Шура и стал собираться на работу.

Работа была интересная: проектирование систем водоснабжения и канализации. С другом-архитектором придумал для городского конкурса прозрачное здание: ничем не скрытые трубы пронизывали дом снизу доверху и служили объединяющим декоративным элементом. Ярко окрашенные, со стеклянными вставками — в них было видно, как течет вода, — трубы превращали дом в фантастическое существо с прозрачной плотью и разноцветными жилами. Жутковатое и притягательное зрелище.

Была у Шуры коллекция журнальных вырезок в старомодных картонных папках, надписанных чертежным почерком: неопознанные летающие объекты, посещения внеземными цивилизациями, телепатия — и еще несколько категорий чудес. Мир полон необъясненных наукой явлений, нужно только смотреть внимательно. Начитавшись Ури Геллера, пробовал взглядом гнуть ложки — не поддались даже хлипкие алюминиевые. Двигать усилием воли предметы тоже не вышло, хоть и тренировался месяца два. Жена Галка относилась к его чудачествам снисходительно: выслушивала, смеялась и ерошила ему волосы от затылка ко лбу.

Как-то Шуре приснилось, что он взглядом раскачивает ластик, подвешенный к небу на паутинке — маятник было легко толкать, куда легче, чем двигать вещи по поверхности стола, преодолевая трение. Проснулся уверенный, что все получится, вышел босой на кухню, обвязал ниткой розовый ластик и подвесил к лампе. Долго тарачился, сам начал раскачиваться в такт усилию, но маятник висел неподвижно. А ведь так просто это было во сне... Ладно хоть Галку не разбудил поглядеть: все же не шестилетний мальчик, чему-то да научился.

С Галкой они встретились еще студентами на озере Селигер в байдарочном походе. Шуре были вообще-то интересны некрасивые девушки, у него даже игра такая была: в метро рассматривать людей на встречном эскалаторе, выбирать скучных теток и воображать, что по сути своей, то есть на самом деле, они воздушные, чуткие, юные — и верят в неземное, небытовое, чудесное, просто этого не видят посторонние, потому что внешность обманчива.

Галя была красива общепризнанной, правильной красотой и выглядела уверенной в своей правильности девушкой. В походе, становясь на ночевку, студенты делились на два, как Шура про себя говорил, подвида: одни ставят палатки, собирают хворост, разводят костер — другие садятся и ждут, пока кончится суэта. Галя была из тех, кто устраивал бивуак, и Шура ее однажды за это похвалил. А она рассердилась:

— Да не цепляйся ты к людям! В чужую шкуру не влезешь, может, у них в самом деле нет сил? Да-да, на волейбол есть, а на работу нет — так бывает. И не смейся! Что я сказала смешного?

Шуре только сначала было смешно, а потом стало жалко девушку. Трудно быть красивой: вроде тебя замечают, а на самом-то деле не видят совсем.

Свадьбу играли дважды: для родственников в Шуриной квартире и для друзей в лесу — в квартире их друзьям места бы не хватило. Через два года родился Павлик, и это было чудесней всех чудес, всех статей из «Науки и жизни». Шура не переставал удивляться, как это они вдвоем сделали третьего, настоящего человека. Сын учился ходить и говорить — и это тоже было чудом. По воскресеньям они сажали Павлика верхом на Шурин рюкзак и шатались по пригородным лесам. Когда сын подрос, раз в году стали ездить в горы. Намечали вершину себе по силам, поднимались и торжественно съедали яблоко или апельсин, овеваемые тем особенным ветром, который бывает только там наверху и который, раз почувствовав, не забудешь. Сын нес вершинную снедь в своем рюкзаке, он любил эти моменты, эти краткие пиры покорителей гор.

Единственное, что омрачало Шуриную жизнь, — это то, как испортился характер жены. Прежде Галку смешили промашки мужа, но со временем она то ли устала, то ли надоело, и теперь у нее всегда находилось чем попрекнуть: не закрыл дверцу холодильника, кран оставил течь до утра, зарплату потерял, никак не починит замок входной двери, так что на ночь приходится подпирать дверь стулом. Даже обычные фразы звучали теперь у нее как упреки.

Шура молчал, уходил в чулан разбирать свою коллекцию журнальных вырезок или садился за кульман что-то чертить по работе. Иногда думал: может, жене нужны полноценные ссоры с катарсисом и примирением? Но ссориться он не умел.

Галя никак не думала, что станет ворчливой женой при униженно молчащем муже. Пробовала сдерживаться, но тогда охватывало такое раздражение, что цветы могли бы увянуть, если б она держала в доме цветы. Ежилась от мысли, что становится похожей на маму, сердилась на себя — и от этого еще больше раздражалась.

После сорока у Шуры что-то случилось со зрением: ему стали видаться туманные пятна вокруг людей, будто кто надыхал на стекло. В толпе несколько человек обычно несли с собой такое пятно — иногда едва заметное, иногда темное и плотное. Галка погнала его к окулисту.

— Отклонений не вижу, — сказал врач, подавая Шуре салфетку, утереть слезы от слепящего фонарика. — Может, сгустки в стекловидном теле. Зайдите месяца через два, проверим сетчатку. А что пятна якобы следуют за людьми — это, конечно, самовнушение.

На зимние праздники Шура и Галка забросили сына к деду в деревню и поехали кататься на лыжах с компанией старых друзей. В новогоднюю ночь Шура увидел темное пятно, он такого никогда не видел раньше. Оставил компанию в баре, ушел в свою комнату, не спал, ворочался, думал: почему Витька? Что за туча вокруг него?

Утром на трассу не пошел, проспал до полудня. Спал бы и дольше, но разбудил шум спасательного вертолета. Виктора живым до больницы не довели.

Галка что-то говорила о совпадениях, что нельзя было Витьке после ночи в баре идти на самый сложный спуск, но Шура ее не слышал. Он все уже понял, обо всем догадался. Оставалось только проверить догадку.

В феврале началась эпидемия гриппа. Глядя на туманные пятна вокруг людей, Шура заранее мог сказать, кто не выйдет завтра на работу, кто заболит легко, а кто тяжело. Он завел тетрадь наблюдений, разработал шкалу, отмечал градации плотности пятен, сличал предсказания и наблюдения. Прогноз работал почти без ошибок. Пятна бывали более или менее темными, но таких, как то, в новогоднюю ночь, пока не было.

Шура мечтал, как будет использовать свой дар предсказателя, как будет предостерегать и спасать людей. А пока он молчал, проверял себя. И еще немного боялся: вдруг примут за сумасшедшего

Не выдержал в пятницу утром, когда вокруг секретарши Анечки увидел густое темное облако. Анечка была беременна и по нынешней моде не прятала живот, а наоборот, носила обтягивающие брючки со свитерами и выглядела как оливка на зубочистке. Шура все продумал, набросал на бумажке пункты, прежде чем подойти к столику секретарши в стеклянной прихожей у лифта. Сослался на газетную статью, сказал, что беременным нехорошо болеть гриппом и лучше бы Анечке посидеть дома. Сейчас пик эпидемии, скоро пойдет на спад.

Секретарша смотрела большими глазами, кивала, прижимала пальцы ко рту, сразу же отпросилась у шефа и уехала домой.

К концу дня позвонили из больницы. На светофоре в Анечкину маршрутку врезался внедорожник. Женщины плакали, собирали деньги, снаряжали делегацию в больницу. Шура заперся в туалете и кусал руки, чтоб не кричать.

Дома Галка дала ему таблетку, уложила в постель, обняла и стала баюкать, как маленького. До утра они говорили о царе Эдипе, о Кассандре, о том, что от судьбы не уйдешь. Вспомнили восточную притчу, как человек встретил Смерть на базаре, испугался пристального взгляда и решил бежать в Багдад. Всю ночь гнал коня — а оказалось, Смерть на него так смотрела от удивления, потому что назавтра у них была назначена встреча в Багдаде.

— Зачем, зачем мне все это знать, если я помочь не могу? От этого только хуже! Не вмешиваться, не вмешиваться никогда и ни во что... — бормотал Шура и прятал лицо в подушку.

Галка не пошла на работу, сидела рядом, заваривала ромашковый чай, гладила мужа по влажной голове со слипшимися волосами. Долго еще после того дня не ворчала, не упрекала Шуру, даже носки его со стола убирала тихонько.

Анечка вернулась на службу через две недели. Сама она почти не пострадала, но недоношенных близнецов выходить не смогли. Завидев Шуру, она закрыла лицо ладонями и закричала:

— Прочь! Прочь отсюда, нечистая сила!

Шура перестал ездить на лифте, поднимался на девятый этаж по черной лестнице, лишь бы не проходить мимо Анечкиного стола. Чтобы не видеть людей с их пятнами, научился маневрировать в метро, глядя в пол. Боковым зрением замечал препятствия, обходил, не поднимая глаз. По утрам собирался с духом, прежде чем посмотреть на жену и сына. Иногда ему хотелось ослепнуть.

— Какие люди! — обрадовалась подруга Милка и тут же посерьезнела:

— Ты чего? Что стряслось?

Галка не собиралась ничего рассказывать, просто так зашла на чашку кофе, но слова и слезы хлынули сами собой. Милка налила кофе себе и Галке, отпила, помолчала. Спросила:

— Ты понимаешь, что он мозгами двинулся?

— Тогда и я двинулась. Я верю в этот его дурацкий туман. Шурка всегда такой... точный. Он в самом деле все это видит...

— Вот именно, видит — и от этого нужно лечить. Родственники всегда последними замечают. Человек уже с катушек слетел, а мать и жена все: «перепады настроения» да «перепады настроения». Вот что, я вам дам психиатра, пусть подберет таблетки.

— Нет, Милка... знаешь, кто такой душевнобольной? Кто не может функционировать нормально. А Шурка работает же, и с Павкой тоже... И еще, если я его запишу в сумасшедшие, он со своими пятнами останется один. Ему и так... я не могу быть по другую сторону, понимаешь? Это как жене декабриста не поехать за мужем в ссылку.

Так Галя заработала у подруги прозвище «жена декабриста». Ехидная Милка прямо так и звала ее к телефону:

— Можно мне жену декабриста на пять минут?

Шура к их шуточкам давно привык и не задумывался, отчего вдруг такое прозвище.

Проектное бюро, где работал Шура, потеряло заказы и перестало существовать. Это даже обрадовало: не надо толочься среди людей, смотреть на их пятна.

Можно побыть с Павликом, а то растет ребенок, как лебеда. Галкиной зарплаты хватало впритык, в отпуск уже не съездишь, но жить было можно.

Из квартиры Шура почти не выходил, разве только к соседке по лестничной площадке, Саре Марковне. Они с Галкой всегда брали у нее книги читать, заглядывали, не купить ли чего, а Сара Марковна смотрела за Павкой после школы, когда он был маленьким. Теперь она была совсем старой, глаза не видели, ноги не держали, и к осени она слегла окончательно. По утрам приходила медсестра, вечером забегала дочь, оставляла на тумбочке еду и лекарства, а так весь день старуха лежала одна перед включенным телевизором. Шура отпирал своим ключом дверь, сидел в кресле, читая книги позапрошлого века, слушая бесконечные истории из прежней жизни — одни и те же истории по кругу. Неизменность историй успокаивала, убаюкивала.

Однажды он предложил вскипятить чаю, но Сара Марковна сказала тихо:

— Водички бы... похолодней... если вас не затруднит, прямо из холодильника.

Она пила жадно, и Шура подумал, что ей, видно, давно хотелось холодной воды, а он тут сидел и не догадывался.

Сара Марковна редко просила о чем-нибудь. Он сам постепенно понял, что ее тревожат крики в телевизоре, радуется солнечный свет на лице и все время мучает холод. Шура выключил телевизор, переставил кровать к окну, притащил из дому пуховое одеяло и стал класть к старухиным ногам согретые в духовке кирпичи.

Медсестра считала его родственником, переодевала Сару Марковну при нем, ворочая с боку на бок профессионально, ухватисто и резко. Старуха ойкала, ее было жалко. Шура стал переодевать ее сам, до прихода медсестры. Спешить было некуда, он прогревал комнату электрическим камином и поворачивал легкое старческое тело медленно, как бы давая привыкнуть к каждому движению. Однажды после утреннего туалета Сара Марковна взяла его руку и прижала к губам. Шура посмотрел в выцветшие глаза и понял: ничего говорить не нужно, все сказано и услышано.

Вокруг Сары Марковны туманного облака он не видел никогда, даже в то утро, когда она перестала есть и пить. Шура уговаривал ее проглотить хоть ложку клюквенного сока, говорил, что скоро лето, ей нужны будут силы сидеть на балконе, но она отвечала, едва шевеля фиолетовыми губами:

— Нет, милый, жизнь моя прожита... негоже мешкать... когда вышло твое время.

Через пять дней Сара Марковна уснула и во сне перестала дышать. Шура растерялся: почему он не знал, не видел тумана? Неужели у жизни бывает счастливый конец?

Они с Галкой решили, что такую смерть надо не оплакивать, а праздновать, но праздновать не получалось. Шура скучал по Саре Марковне, ноги сами несли его к соседкиной двери по десять раз в день. Он вдруг подумал, что она давала

ему намного больше, чем он ей. Если такими вещами вообще можно считаться — кто кому сколько давал.

Павлик выпросил на день рождения удава. Тот оказался таким большим, что террариум занял весь Павкин стол. Но это еще ничего, самое неприятное, что удава полагалось кормить маленькими крысами из зоомагазина.

Перед Пасхой Шура убирал в доме, и в Павкиной комнате тоже. Удав в террариуме лежал неподвижно, уставившись на крысу, а она умывалась в углу — видно, слыхом не слыхивала о гипнотическом змеином взгляде. Шура увидел туманное пятнышко на стекле и машинально потер его пальцем. Крыса двинулась — пятнышко вместе с ней. А, вот что это за туман, — сообразил Шура, — ну да, ее же вот-вот съедят. Впрочем, кажется пятно стало бледней... Нет, почудилось. Или... в самом деле?..

Он принялся быстро-быстро тереть стекло. Крыса шла вдоль прозрачной стенки, неся с собой свою теперь уже едва заметную метку. Шура стирал пятно, двигая руку вслед за крысой. Вот пятно совсем исчезло, вот крыса подходит к удаву... вспрыгивает ему на голову и пробегает по длинному телу, как по мосту. Когда сын пришел из школы, Шура все еще сидел у террариума, как загипнотизированный. Павка дал удаву другую крысу, тот ее сразу сожрал, а прежнюю не трогал. Только вздрагивал, когда она топала по его узорной спине маленькими розовыми лапами.

Открытие было оглушительным. Шура даже ничего не сказал Галке, молчал весь вечер, рано лег и уснул, как выключился. Проснулся от толчка изнутри в четвертом часу ночи, натянул спортивные штаны, вышел из дому и побрел неизвестно куда, ежась от предрассветного холода. Появились первые прохожие. Шура шел, вглядываясь в каждого, как охотник. Люди все попадались чистые, без пятен... Вот! Вот идет человек, на нем бледное, но явное пятно. Шура поднял руку, принялся тереть большим пальцем воображаемое стекло. Человек взглянул на лохматого юродивого, который то ли крестил его, то ли подавал непонятные знаки, сунул руки в карманы и пошел дальше — очищенный, ясный, благополучный.

Прохожие стали попадаться чаще, теперь не нужно было охотиться, пятна шли к Шуру сами. Много, слишком много, больше, чем он успевал стирать. Он присел на каменную ограду клумбы у станции метро и стирал, стирал, сколько хватило сил. Наконец то ли уснул, то ли потерял сознание, завалившись на клумбу. Тут его и нашла Галя.

Очнувшись, он увидел незнакомые стены и широкое окно. Сорвал капельницу и датчики монитора, путаясь в простыне добрал до окна и встал там, стирая пятна с прохожих. Стоял, пока не упал. Его уложили на кровать, он снова встал.

— Я ластик, — твердил он медсестрам, — вы хорошие, добрые, но, понимаете, я не человек, я ластик. Мне нельзя мешать!

Его привязали к кровати и снова поставили капельницу. Пришла Галя, накричала на врачей, под расписку забрала мужа из больницы. По дороге домой спросила, не хочет ли он перепроверить на крысах, убедиться в своих способностях.

— Очнись, Галка, какие крысы, какое перепроверить, там по улицам люди ходят, нельзя мне тратиться на крыс! Нет, не нужно мне ни в чем убеждаться, я знаю, кто я и что должен делать. Я буду стирать и стирать, пока не сотрусь сам. А если ты будешь мешать, сбегу из дому. Или умру.

Галя думала, Шура со временем успокоится, но и через месяц он ничего не хотел знать, кроме своей миссии. Он похудел, ослаб, постарел. Галя нашла для него хорошее место: сквер неподалеку от дома, там еще была беседка на случай дождя. Рядом какие-то офисы, днем ходили люди, а к шести место пустело, и Шуру можно было уговорить пойти домой. Утром Галка отводила его в беседку, после работы забирала. Клала ему в карманы бутерброд и бутылку сока, но чаще всего еда оставалась нетронутой. По дороге из школы его навещал Павлик, потом звонил матери на работу: «Все в порядке, сидит, спит». Или: «Все в порядке, сидит, пальцем в воздухе водит».

К врачу Шура не шел, как ни тащила его Галка. Обычно покладистый, тут он уперся: боялся лишиться своих способностей.

Как-то Галка спросила:

— Ну спасаешь ты их, ладно, но ты ж не надеешься, что они будут жить вечно?

— Сару Марковну помнишь?

— Помню... да, может, ты и прав, может, бывает у жизни счастливый конец. Хотя, не знаю. И никто не знает.

Шура пожал плечами: да, никто не знает. Но какое это имеет значение?

Однажды вечером он увидел то, чего всегда боялся: сгусток тумана вокруг сына. Принялся было стирать, но Павлик вспыхнул:

— Пап, а ты у меня спросил? Это твои игры, вот и играй себе, а меня не трогай! Пятновыводитель, блин, химчистка гребаная, — и выскочил из дому, хлопнув дверью.

Шура бросился к окну, но уже стемнело, ничего не разглядеть. Как был, в домашних шлепанцах, стал бегом спускаться по лестнице. Споткнулся, взмахнул руками, потолок и стены несколько раз поменялись местами, и Шура сам не понял, как оказался внизу. В эту минуту в подъезд вошла Галка. Не давая себя поднять, он толкал ее к двери:

— Туда... туда... Павлик!

Галка вышла во двор. В темном углу, куда не доставал свет фонарей, стояла кучка подростков, слышны были голоса — похоже, ребята ссорились. Вдруг произошло быстрое движение, кто-то отпрыгнул, кто-то пригнулся, блеснул нож. Галка заорала, побежала к дерущимся, кто-то крикнул: «Атас!» — и все разбежались.

Галка метнулась обратно в подъезд. Шура поднимался, цепляясь за перила.

— Ничего-ничего, — шептала Галка, помогая ему встать, — я тут, я с тобой, все хорошо.

Потом она искала Павку по ночным дворам. Нашла в деревянном домике на детской площадке: он сидел, сгорбившись, с самодельной сигаретой в зубах.

— Павка, что это? Брось сию минуту! То драка с поножовщиной, а теперь, оказывается, куришь!

— Да ну, мам, это ж травка, стресс снять, — усмехаясь, забормотал сын. — Подумаешь, пыхнул... Вы с папой живете в бархатной коробочке, как в позапрошлом веке, вы не представляете, что делается вокруг. Травка не стоит разговора, это ж не кокс, не колеса и не ширево. В Голландии вообще по этому поводу никто не парится...

Первым утренним автобусом Галя отвезла сына к деду в деревню. Павлик был не против: там рыбалка, друзья, с которыми виделся каждое лето, и никаких дворовых банд. Шуре было поручено забрать из школы Павкины бумаги, но он об этом, конечно, забыл.

Галя вернулась через день и увидела, что муж дома не ночевал. Искала в парках и скверах, у метро, вглядывалась в бомжей. Через три дня Шура явился сам. Она увидела его в окно, сбежала по лестнице, обняла, прижалась, всхлипнула. Он ткнулся носом в загорелое плечо. Галкина кожа пахла как всегда: немного речным песком, немного орехами. Да, подумал, мой дом — вот этот родной запах. По нему я буду скучать.

— Галчонок, я ненадолго зашел. Понимаешь, вишу на тебе... Павку из-за меня прозевали. Ты же видишь, я инвалид, в развалину превратился. И, извини конечно, но мужская сила моя тоже... того...

— Да ты не инвалид, ты круглый, махровый, полноценный, выставочный идиот! У тебя, дубина ты стоеросовая, достанет мужской силы, чтоб подняться по лестнице? Идем домой. Ну, что стоишь? — Галку осенила идея: — Слушай, ты спасаешь людей, так? Я тоже хочу, — отчаянно врала она, — быть при этом твоим деле. Разреши мне! Я буду стараться.

Отказать в такой просьбе он не мог — и все стало как прежде: Галя ходила на работу, готовила, убирала, стирала, устраивала из-за Павки переезд в другой город, а Шура ел, спал и дежурил в своей беседке. Вот только старел быстро: не легко ему давалась ежедневная эта работа.

Галя уже и не помнила, как ворчала на мужа когда-то. Теперь она ничего от него не ждала, ни на какую помощь не надеялась, ни на что не сердилась. Был бы жив, сидел по вечерам за столом, дышал по ночам на подушке рядом да не терялся бы больше никогда.

Мариша взобралась с ногами на лавку, лизнула мороженое и стала играть в оркестр. В прошлом году она бросила классы фортепьяно, уговорила мать записать ее на скрипку, но и скрипка не доставляла удовольствия. Чтоб играть на инструменте, надо прилагать ненормальную кучу усилий, а все равно выходит убого. То ли дело люди! Они звучат без усилий, сами по себе. И если мысленно направить на кого-то дирижерскую палочку, он сразу станет слышной.

Мариша составляла из прохожих музыкальные пьески, жаль только, никто не мог оценить. Она всех знакомых спрашивала, слышат ли они, как звучат люди, но ее называли фантазеркой или вообще не понимали, о чем речь.

Изредка попадались неблагозвучные особи, и тогда Мариша из дирижера превращалась в настройщика. Она подтягивала и отпускала невидимые струны, добиваясь приятного звучания. В эти игры Мариша могла играть часами, они ей не надоедали и не утомляли ничуть.

По дорожке сквера шел человек с дребезжащим звуком. Только Мариша собралась настроить его, как он настроился сам. Такого никогда не бывало за все годы этой игры! Чуть погода то же случилось снова. На этот раз она успела заметить, кто настроил прохожего: в беседке сидел старичок и, уставившись на негармоничного человека, водил в воздухе большим пальцем.

— Вот это да! — обрадовалась Мариша. — Еще один настройщик.

Она поднялась в беседку по деревянным ступенькам, села на лавочку и стала смотреть, что будет. Старичок понравился ей и звучанием, и видом. Он навел палец на скрипучую девчонку с портфелем, а Мариша р-раз — и настроила ее. Старичок так и застыл с рукой в воздухе. Нацелился было на дисгармоничного дяденьку, но и тут Мариша успела первой.

— Кто, — прошептал старичок, — кто это делает?

— Я! — отозвалась Мариша. И спросила звонко: — Вы тоже слышите?

— Нет, — тихо сказал старичок. — Я вижу.